

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

(Описание Начала в № 245).

ЧУТЬ ЗАБРЕЖИЛ РАССВЕТ, НАША ДАЛЬНОБЕЙНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ НАЧАЛА ОБСТРЕЛ ТРЕТЬЕЙ ЛИНИИ ОКОПОВ ПРОТИВНИКА.

Когда достаточно рас- свет, я увидел: кино- метрах полтора от нас идет траншея и там же закопаны танки и са- моходы. Была видна ок- раина Харькова. Оттуда в вашу сторону двинулись три машины с немцами, и одной была прицеплена пушка. Они двинулись па- раллельно нашей обороне. Не дожидаясь подкидыве- ра до нас, немцы вылезли из машин, опущенная пу- ку, построились повзвод- но и, ничего не подозре- вая, направились в нашу сторону. За ними вышли из укрытия три танка и четыре самоходки и на- правились в деревню, от- куда пришли мы.

Нервы наши были на пределе. И когда до нем- цев оставалось около двухсот метров, мы от- крыли огонь из всех ви- дов оружия, что было при нас. Немцы опешили, мно- гие побежали обратно, оставаясь убитых, остал- вые залегли. А танки продолжали идти на нас.

Я приказал артиллери- стам бить по головному танку подканберными снарядами. Его подож- ли третьим снарядом. Ра-

счет второго орудия, ко- торым командовал млад- ший лейтенант Кожуш- кин, подбил самоходку. Кое-как наведя у себя порядок, часть немцев на- чала оканываться, другая перебежками продвига- лась в нашу сторону.

Пушка, которую немцы пригнали, оказалась двести двух миллимет- ровой, скорострельной, способной вести огонь за- жигательными разрывны- ми снарядами. Они раз- вернули ее и ударили по- нам. Многие снаряды ши- ели загорелась. Наши бойцы, занявшие в них позиции, выскочили от- туда и тут же упали под губительным огнем.

Уже среди два танка и две самоходки. За- могла и пушка, подои- тая нашим орудием, а бой у них начался. Силы у нас и у немцев иссякли. Был убит командир орудия и ранен заряжаю- щий. Я сам зарядил пу- шку и давал команду на- водчику, по какой цели стрелять. Мой орудинарец подпустил снаряды. Из- дадека слышался стук только одного нашего пу- лемета. Нас становилось все меньше. Перед сно- пом разорвался снаряд, и я услышал крик наводчи- ка: — Командир, я ничего не вижу!

Оттащив его в сторону, в ровик, я пригнул к нораму фашистский танк, крикнул Коле: — Заряжай поднаги- берным!

Н. КОЛЕСНИКОВ

Р Е Б Ы Д

Я встретил и в панно- раму увидел, как из подбитого танка по- шел дым, взрывом с не- то сорвало башню. Ряду- сь своей победе, я вы- глянул из-за пушечного орудия вырос огромный столб. Последнее, что я увидел: передо мной по- явился Коля, он, очевид- но, хотел прикрыть меня собою.

...Сознание возврата дось ко мне медленно. От удара о землю ломило все тело, в голове стоял шум, руки и ноги были тяже- лыми, словно налитые свинцом. Я почувствовал, что кто-то, приподняв мне голову, старается напо- ить меня. Я больным уси- лием заставил себя от- крыть глаза и увидел столично перело мной на коленях Клоева.

Лицо Клоева было бу- рым, в пятнах. По щекам его текли слезы. Но он улыбался. Всегда такой инкурапный, подпрыгива- ющий, сейчас имел неприя- тельный вид. Гимнастер- ка его была вся в крова- вых пятнах, рукава отор- ваны. Немного приля в себя, я ослышался, стараясь уви- деть своего ординарца.

Прочитав это, я как будто воскрес: значит, не зря мы здесь, на этом клочке земли, не шадим себя! ...Здоровье мое шло на поправку — молодость брала свое. Да только ли могла? Вынимание то- варшей, которые часто приходили ко мне в сан- бат, доброю сердце и руки Веры — вот что было главным, что помогло мне встать на ноги. Через не- делю я уже стал слышать и говорить. А через де- сять дней я вернулся в часть и снова приступил ра батари.

Что же стало с моими друзьями, с бойками, что ушли в тот рейд? Как я после узнал, в живых нас осталось всего десять че- ловек. Всех, кроме меня, отправили в тыловой гос- питаль, вместе с ними были эвакуированы стар- ший лейтенант Серетин и командир взвода Кожуш- кин. В бою погиб ком- сорт батальона, коррек- пандента. Колю Зайцева нашли обгоревшим и мер- твым. Моего орудинарца Колю Шенгирева не нашли вообще: его разорвало прямым попаданием сна- ряда. Нами было сожжено и подбито три немецких танка, четыре самоходки, пушка, уничтожено до ро- ты фашистов.

Одывая почесть пав- шим и храня о них свет- лую память, мы шли с боями на запад, к Победе, до которой оставалось почти два года. Впереди был Днепр.

Когда сознание верну- лось полностью, я почув- ствовал легкость в теле. Кругом была тишина, кто-то мне вытирали ли- цо. Я открыл глаза: пе- редо мной стояла медсе- стра Вера. Значит, успели на- пин прийти к нам на по- мощь. — Подумал я и по- чувствовал, как по моему лицу потекли слезы. Вера что-то радостно кричала, я видел это по выраже- нию ее лица, и тоже пла- кала. Окончательно пришла в себя, я увидел, что лежу на повозке. Возле меня собрались все уцелевшие бойцы моей батареи. Они улыбаются. О чем-то ра- достно говорили лейтенант Гуревич. Но я не слышал их голосов — контузия не проходила. Примерно через час я знаками попросил, чтобы меня сняли с повозки. Пройдя несколько шагов, почувствовал, где сна- наш полк, я, опять знака- ми и мимикой, попросил бумагу и карандаш. Но- да все это мне дали, я написал: «Какое сегодня число? Где мы находимся? Что с моей головой?» Ответ написала Вера: «Сегодня двадцать чет- вертое августа. Вчера полностью освобождена Харьков. Нам разрешен случайный отдых. На го- лове у тебя небольшая ранна. Командир полка не разрешил тебя эвакуи- ровать в тыл, да и мы все настаивали».